

Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания

*К 80-летию
Владимира Петровича
Зинченко*

РОСПЭН
Москва
2011

М. Коул, Дж. Верч

Свобода и скованность человеческого действия

*...те, кто пренебрегают перечитыванием,
обрекают себя на то,
чтобы повсюду читать одно и то же.*

Ролан Барт, S/Z (1970)

Написание статьи в честь восьмидесятилетия Владимира Петровича Зинченко — замечательного ученого и интеллектуала международного масштаба — большая честь для нас.

Эта возможность побудила нас поразмышлять о нашем долге и необыкновенно тесном сотрудничестве с Владимиром Петровичем. Мы, если так можно выразиться, родня Владимиру Петровичу и его другу, Василию Васильевичу Давыдову, а также многим другим последователям культурно-исторической и деятельностной теории. Мы разделяем с ними честь быть «третьим поколением» последователей Л. С. Выготского. Как и они, мы учились у А. Р. Лурия и А. Н. Леонтьева. Мы посещали лекции и встречались с другими ключевыми фигурами того времени — Л. И. Божович, Р. Е. Левиной, Н. Г. Морозовой, А. В. Запорожцем, Д. Б. Элькониним, П. Я. Гальпериним, Б. В. Зейгарник и др. Мы вместе с ними разделяли опыт жизни в Советском Союзе во время «холодной войны» и после нее. Как официальные представители Американского научного общества, мы конечно, не испытывали на себе такого идеологического давления, которое приходилось испытывать нашим русским друзьям, не говоря уже о старшем поколении советских людей. Тем не менее, для нас — американцев, находившихся в Москве во время «холодной войны», — одним из условий такой дружбы являлось подчинение местным ограничениям и требованиям. Неформальные отношения — это один из самых великих уроков, которые мы получили от наших русских друзей и учителей — понимание того, что такое настоящая дружба.

В то же самое время мы оба были связаны профессиональными отношениями, в которых мы играли роль «научных посредников» — в качестве переводчиков, иногда чиновников по обмену,

журнальных и книжных редакторов. И, как часто это бывает в результате такого посредничества мы стали увлеченными преемниками идей Выготского и его последователей, в каких бы отношениях они не находились друг с другом. Нам потребовалось несколько десятилетий общения, чтобы сделать русских и американских коллег понятными друг для друга. Например, американские коллеги всегда считали, что нас очень трудно понять, что мы методологически аномальные, иногда слишком пристрастно сконцентрированные на таких понятиях, как «культурное посредничество», «полифония» и «развитие». Одновременно русские коллеги не всегда соглашались с нашей интерпретацией основополагающих идей и интеллектуальных взаимоотношений между концепциями Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, С. Л. Рубинштейна и др. Одним словом, американский Выготский часто кажется мало похожим на русского Выготского.

Мы оба и сегодня находимся в центре кросскультурных дискуссий, развернувшихся вокруг научного наследия Выготского. Поэтому стиль нашего изложения неизбежно должен быть диалогичным и полифоничным. Мы надеемся, что Владимир Петрович поддержит такой подход к его работам.

Открытие связующей нити

Поскольку Владимир Петрович жил в различных социально-политических контекстах и разработал такой широкий спектр различных проблем, мы столкнулись с необходимостью поиска такого аспекта, на котором следует сосредоточиться. Развитие предметной деятельности и психологические эксперименты с маленькими детьми? Формирование зрительного образа? Эргономика когнитивных и исполнительных актов для улучшения деятельности работника высокотехнических профессий? Сущность человеческой культуры? Духовность, выраженная в искусстве? Следуя общеизвестной истине: «чтобы понять поведение, мы должны понять историю поведения», мы стали перечитывать работы Владимира Петровича, начиная с его новых статей и книг, в которых он ссылается на «неклассическую психологию» Выготского. Затем мы проследили ход развития его идей, начиная с ранних публикаций конца 1950–1960-х годов, когда он работал со своим учителем Александром Запорожцем. Мы ожидали найти общую связующую нить между понятиями и проблемами, над которыми работал Владимир Петрович. И мы ее нашли. Такой нитью является исследование действия (во всех формах его существования) как идеальной единицы анализа и понимания возможностей и границ человеческой свобо-

ды. Далее мы постараемся проследить, как понимание и изучение человеческой деятельности в ее историческом развитии может оказаться ключевым для размышлений о трансформации прошлого в будущее, «данного в новое», «предположений в гипотезы», памяти в воображение. Такое изучение, говоря словами Владимира Петровича, позволяет характеризовать «жизнь как асимметрию, с постоянным колебанием на острие меча между познанием и действием, сознанием и деятельностью, опытом и его использованием»¹. Именно этот процесс балансирования на острие меча позволяет каждому человеку приобретать свой и только свой, единственный и неповторимый опыт и прочерчивать собственную траекторию социокультурной жизни.

Краткое отступление

В процессе написания статьи мы задались вопросом: почему центральная позиция — проблема свободного действия, которую всю жизнь разрабатывал Владимир Петрович, не стала для нас ясной несколько десятилетий назад, когда мы изучали и переводили его работы? Это произошло по разным причинам. Прежде всего, нам было трудно выйти за пределы собственных научных исследований и увидеть за конкретными его исследованиями в разных областях психологической науки целостность замысла. Кроме того, нам пришлось возвращаться в контексте двух языковых и культурных традиций, что, безусловно, затрудняло наше понимание его идей. Эти и другие факторы могут служить некоторым оправданием нашей научной близорукости.

Однако, на наш взгляд, трудности нашего понимания, возможно, обусловлены особенностями идеологической ситуации в советском обществе. Мы имеем в виду не наши неофициальные взаимоотношения с Владимиром Петровичем, а его, порой, эзопов язык и подтексты, в которые нам не всегда удавалось проникнуть. Так или иначе, но мы должны констатировать, что он в своей высоко профессиональной и социально полезной научной и практической работе настойчиво проводил линию изучения свободного человеческого действия, которое имеет существенное значение с философской и психологической точек зрения. Эти важнейшие «контекстуальные» факторы мы будем держать в уме при обсуждении его работ и при формулировании наших выводов относительно идей Владимира Петровича.

¹ Зинченко В. П. Алексей Алексеевич Ухтомский и психология (К 125-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 2000. № 4. С. 85.

Связующая нить — человеческое действие

В самом начале научной жизни Владимир Петрович опирался на идеи Н. А. Бернштейна. И мы полагаем, что его понимание этих идей может стать своеобразной точкой отсчета для понимания всей его концепции человеческого действия. В статье, написанной в 1996 году, Владимир Петрович замечает, что Бернштейн увидел в каждом отдельном движении неповторимость и уникальность. Оно «не повторяется, а строится, поэтому упражнение — это повторения без повторения»². Это означает, что при попытке копировать даже самое простейшее из движений — точное воспроизведение невозможно, следовательно, всегда остается пространство для творчества и саморазвития. Если мы рассмотрим простые движения на достаточно тонком структурном уровне, то обнаружим некоторые вариации. Два удара по клавиатуре и два произнесения одной и той же фонемы никогда не будут совпадать, даже если мы будем стараться делать это одинаково. Такие несовпадения в процессах воспроизведения стали своего рода краеугольным камнем многих психологических дискуссий о человеческой природе как таковой. С одной стороны, человек социализируется, вовлекается в социальную систему, среду, подчиняется ее установлениям, с другой стороны, чтобы быть человеком, нужно создавать собственную социальную и психологическую реальность таким образом, чтобы всегда оставалось вариативное пространство. Западные аналитики занимались этими проблемами, например, сравнивая взгляды Ж. Пиаже и Л. Выготского. Такие дискуссии нередко носили специфический характер, поскольку затрагивали ситуацию развития советской науки в тоталитарном обществе. В этом контексте работы Владимира Петровича и его учителей могли восприниматься как спорные, близкие к идеям кибернетики Н. Винера, которая на протяжении ряда лет третиновалась в Советском Союзе. Конечно, не столько Владимиру Петровичу, сколько его учителям, прежде всего А. В. Запорожцу, приходилось маскировать проблематику свободного действия терминами «произвольного движения», «ориентировочно-исследовательского действия». Именно исследование живого движения и свободного действия во многих сферах человеческой жизни как раз и может считаться средостением работ Владимира Петровича.

Ниже мы рассмотрим работы Владимира Петровича в хронологическом порядке, чтобы показать ведущую линию его исследований. Наше изложение мы разделили на четыре части, соответствующие четырем периодам в исследовательской деятельности

² Зинченко В. П. Движение — это живое существо (к 100-летию Н. А. Бернштейна) // Вопросы психологии. № 6. 1996. С. 136.

Владимира Петровича. Эти периоды были наполнены разным эмпирическим и теоретическим содержанием, менялись и области приложения, внутри которых разворачивались его исследования. Неизменным оставался предмет: *свободное человеческое действие*.

Период 1

Перцептивное действие

Главная идея, которую Владимир Петрович унаследовал от своего учителя и друга А. В. Запорожца, заключается в том, что восприятие есть вид человеческого действия. С этой точки зрения наши глаза на самом деле «опознают» окружающую среду практически аналогично тем способам, которыми руки «опознают» носовой платок в кармане, или когда человек берет руками предметы с полок магазина и кладет в тележку для покупок, даже не взглянув на них. Человек берет бутылку не так, как берет банан. Любое действие есть форма ориентации человека во внешнем мире. А. В. Запорожец и В. П. Зинченко полагали, что в процессе взаимодействия человека с предметом формируется перцептивная или «мыслительная модель» окружающей среды, а также отношения и способы действия в этой среде. Другими словами, у человека формируются «внутренняя картина» и «внутренняя моторика», определяющие осуществление произвольных движений и действий. И та и другая в структуре действия представлены как формы *активного покоя*. «Внутренняя картина» — это образ, представление человека о пространстве возможных действий, а во внутренней моторике представлены возможные способы действий в той или иной ситуации³. Первые исследования А. В. Запорожца и В. П. Зинченко, а также их коллег фокусировались на перцептивном действии, изучавшемся посредством регистрации движений глаз и рук у детей. Это исследование позже было продолжено в работах по формированию зрительного образа в условиях стабилизации изображений относительно сетчатки глаза.

Развитие осязательного и зрительного восприятия

В серии экспериментов, начатых во второй половине 1950-х годов, Владимир Петрович и его коллеги предлагали детям фигуры неправильных форм и просили их ощупать или рассмотреть. После осязательного ознакомления их просили найти эту фигуру зрительно, а после зрительного — осязательно. Когда детей просили исследовать предмет зрительно, можно было проследить разные паттерны движений глаз: трехлетние дети главным образом сосре-

³ См.: Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Функциональная структура действия. М., 1982.

дотачивались на центре предмета и делали несколько движений по направлению его контуров, тогда как дети постарше в значительной степени исследовали глазами его контуры. Движения руки и движения глаз детей подвергались кинорегистрации.

Был получен ряд интересных результатов⁴ (мы используем результаты, полученные при изучении поведения трехлетних и шестилетних детей в целях контраста). Самые маленькие дети не могли гаптически обнаружить предмет, они предпочитали играть с предметом, а не ощупывать его. Шестилетние ощупывали его контуры. Трехлетним в основном не удавалось идентифицировать предмет, когда он был перемешан с другими предметами, тогда как шестилетним детям это не составляло никакого труда.

Что же тогда получается — знает ли рука то, что видел глаз? Ответ заключается в следующем: дети постарше сформировали образ действия, адекватный заданию. Когда их просили вообразить предмет, который они до этого изучали осязательно, движения их глаз были подобны тем движениям, которые они совершали ранее руками.

В этих экспериментах фактически осуществлялся методологический подход к восприятию и познанию, известный и в американской когнитивной психологии. Мы также обладаем некоторой интересной информацией относительно тех условий, которые помогают развитию способностей по созданию образа (создание образа как центральный компонент перцептивных действий). Но что мы узнали о самом процессе формирования образа? Это теоретический подход, направленный на анализ процесса формирования образа. Полученные данные значимы для развития сенсорных способностей у детей. Они также важны и для развития перцептивных способностей взрослых, работающих со сложной техникой.

Стабилизированные изображения относительно сетчатки

Работа Владимира Петровича над феноменом стабилизированных относительно сетчатки изображений пересекается с его экспериментальными изучениями осязания и зрения у детей. В ней соединяются две исследовательские линии, которые могут показаться различными. Одна линия направлена на изучение сенсорных возможностей у детей, в то время как другая фокусируется на экспериментальном исследовании восприятия.

Суть исследования состоит в следующем: наши глаза находятся в постоянном движении не только вследствие свободных действий глаз

⁴ См.: Запорожец А. В., Венгер Л. А., Зинченко В. П., Рузская А. Г. Восприятие и действие. Гл. 6. «Сравнительный анализ осязания и зрения». М., 1967. С. 210–249.

и головы, но и благодаря произвольным, саккадическим движениям глаз. Следовательно, глаза двигаются с отклонениями относительно стабилизированного изображения, даже если максимальные усилия затрачены на то, чтобы пристально смотреть на предмет. Когда изображение стабилизировано относительно сетчатки с помощью специальной присоски, двигающейся вместе с глазом, через две-три секунды изображение исчезает (визуальное поле становится серым), но переходит в это состояние так, что изображения сначала распадаются, а затем исчезают. При движении глаза вместе с присоской возможны восстановления фрагментов изображения. Однако полное изображение восстанавливается только тогда, когда возможно его свободное рассматривание. Физиологический механизм для полного угасания изображения вполне понятен: элементы сетчатки, адаптируясь к постоянному свету, теряют чувствительность. Следовательно, тот факт, что произвольные движения глаза требуются для поддержки зрительного контакта с миром, ставит перцептивные действия прямо в центр самых важных когнитивных способностей человека.

Эти наблюдения заставили В. П. Зинченко и его коллег задуматься над тем, что бы произошло, если бы было возможно «поиграть» с глазом, т. е. найти способ, позволяющий испытуемому длительно рассматривать стабилизированное изображение. Оказались бы в такой ситуации движения глаз излишними? Владимир Петрович и его коллеги нашли способ «поиграть» с глазом с помощью цветовой модуляции стабилизированного изображения.

В одном исследовании они представили иллюзию куба Неккера — двухмерный рисунок трехмерного предмета. Куб появляется не только как трехмерный, но также кажется, что он выдается из страницы, на которой нарисован. Испытуемые подтверждали, что они видели превращения куба и его очевидную трехмерную ориентацию, даже тогда, когда движения глаз уже не были необходимы для поддержания изображения. Тем не менее Зинченко и Вергилес обнаружили движения глаз, которые показались им сначала бессмысленными, так как они не помогали смещать стабилизированное изображение. Авторы назвали такие движения викарными перцептивными действиями. «В отличие от внешних перцептивных действий, осуществляющих съем информации из внешнего мира, с помощью викарных действий информация снимается со следа (со стабилизированного образа или послеобраза), накопленного сетчаткой»⁵. «Посредством викарных перцептивных действий осуществляется управление чувствительностью отдельных участков

⁵ Зинченко В. П., Вергилес Н. Ю. Формирование зрительного образа. М., 1969. С. 37.

сетчатки»⁶. На основании этих фактов они заключают, что «моторика глаза, таким образом, организует движение внимания в зрительном поле даже в том случае, когда это поле неподвижно относительно сетчатки»⁷ — следовательно, предметные образы являются частью познавательной системы, которая может действовать иначе, нежели система мгновенного восприятия мира. Они пришли к идее функциональной фовеа централис, где, по их терминологии, первичная функция викарных предметных действий с образами замещает действия с реальными предметами. Восприятие — это, пользуясь термином А. А. Ухтомского и Н. А. Бернштейна, «функциональный орган», который помимо внешней формы движения имеет еще и внутреннюю форму (внутренний план деятельности). Формирование перцептивных и мысленных образов посредством тактильной перцепции невозможно, если только не рука управляет объектом и не обследует некоторые из его составляющих частей. В визуальной перцепции движения глаза играют подобную роль. Никакого постоянного образа не формируется в сознании одновременно с предъявлением объекта, но его различные компоненты должны быть выделены движущимся глазом⁸. Разумеется, данная трактовка не отрицает превращения сукцессивного восприятия в симультанное, одноактное схватывание. Это еще один предмет исследований В. П. Зинченко.

Каждое из этих заключений предполагает, что существует сфера «психологического», «психологического действия». Есть периоды, когда состояние *в* мире и *вне* мира не изоморфно по отношению к миру. Другими словами, образ может иметь избыточное число степеней свободы по отношению к оригиналу. Используя термины, предложенные А. Н. Леонтьевым, внутренний мир был построен в процессе уподобления воспринимающих систем свойствам воздействия. Его результат связывает последующее действие с предыдущим. Процесс осуществления такого уподобления как раз и составляет «острие меча». Здесь мы приближаемся к сфере человеческого сознания.

Обобщение Периода 1

Сопоставляя статьи, посвященные исследованию восприятия у детей с текстами, в которых изложены результаты работы над стабилизированными изображениями у взрослых, мы можем заметить, что

⁶ Зинченко В. П., Вергилес Н. Ю. Формирование зрительного образа. М., 1969. С. 37.

⁷ Там же. С. 36.

⁸ См.: Зинченко В. П. Движения глаз и формирование зрительного образа // Вопросы психологии. 1958. № 5. С. 63–76.

они имеют между собой тесные связи. Работа с младшими детьми описывает процесс, при котором дети мало способны формировать мыслеобразы: когда они становятся старше, они способны представить предмет при помощи движений глаза, подобных тем, которые они совершали, когда рассматривали объект ранее. Внешние, наблюдаемые действия легче «перемещаются» из одной модальности в другую.

Исследования стабилизированных образов у взрослых показывают, что даже когда образы внешних предметов отражены на сетчатке, все же имеют место малоамплитудные движения глаза. О таких «викарных» движениях, замещающих в том смысле, что они не являются необходимыми в физическом значении, мы можем думать как об умственных действиях «думающего глаза».

Как в работе над внешне регистрируемыми движениями глаз и рук детей, так и в экспериментах со стабилизированными образами, процесс формирования образа включает комплекс процессов «туда-обратно» между организмом и окружающей средой, которые, как все движения, *не могут себя повторить в точности*. Особенно в период обследования в образе появляется нечто непредсказуемое, новое, какой бы незначительной ни была эта новизна. Образ не может полностью контролироваться действием извне. Это снова, пусть и слабое, проявление степеней свободы действия.

Также центральной является идея, что перцептивное действие находится в центре взаимоотношений между избытком степеней свободы и их преодолением в человеческой жизни. По мере развития дети становятся менее «контекстуально связанными». От внешнего, очевидного человека отделяет мысль — акт, занимающий по существу мгновение. Но и она все же остается действием, с его балансированием на «острие меча». Этот момент создания образа является существенным для человеческой жизни. В целом данная работа есть напоминание о том, насколько глубоко человеческие существа требуют «свободы движения», чтобы адекватно функционировать даже в состоянии очень ограниченной окружающей среды.

Этот вывод сейчас кажется для нас очевидным. Но он не казался нам таким очевидным ранее. Одна из причин — это то, что мы читали эти тексты с предвзятыми идеями о значении технических терминов, которые, казалось, играли важную роль в мышлении русских психологов. Например, наша интерпретация взаимосвязи перцептивного действия с идеей ориентировочного рефлекса, стала популярной благодаря работам Е. Н. Соколова. Мы понимали ориентировочный рефлекс как реакцию на новый или неожиданный стимул или на изменения в интенсивности, длительности, частоты и других параметров стимула. Ориентировочный рефлекс был,

как известно, использован А. Р. Лурией в его работе, посвященной семантическим рефлексам⁹. Базовая сущность ориентировочного рефлекса есть привыкание, он исчезает при повторном предъявлении. Если репрезентация стимула сформирована, и последующие репрезентации «подходят», дается ответ. Но если есть диссонанс, ориентировочный, рефлекс появляется снова.

Какое отношение этот немедленный «ответ-на-изменение» имел к ощупыванию предмета детьми в течение нескольких минут с попыткой представить, что это может быть за предмет? Неужели мгновенная реакция на различие параметров эквивалентна продолжительному обследованию?

Кончено, нет, но дело в том, что в 1952 году русские психологи были вынуждены принять павловский язык, чтобы продолжать работать. Они пришли к гениальному решению обозначить понятиями И. П. Павлова те реальные психические процессы, которые были исследованы ими в 1930-х и 1940-х. Ориентировочный рефлекс был одним из таких понятий, поскольку И. П. Павлов сам ссылался на него и связывал его с исследовательской деятельностью. По тому же самому принципу, используя работы Маркса и Энгельса, они выбрали понятие деятельности (Tätigkeit), чтобы примирить их собственные теоретические идеи с идеологической ситуацией в стране. Вот как Владимир Петрович пишет об этом¹⁰: «Категория деятельности служила для С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева своего рода заказником, резервацией, средством идеологической защиты психологии, точнее — выживания ее как науки. Психика либо отождествлялась с деятельностью, либо деятельность выступала в качестве объяснительного средства, синонима принципа детерминизма всей психики. В обоих случаях психика (а вслед за ней и психология) оказывалась внутри относительно безопасного с идеологической точки зрения «круга деятельности», что и позволяло психологии существовать»¹¹.

⁹ Luria A. R., Vinogradova O. S. An objective investigation of the dynamics of semantic systems // *British Journal of Psychology*. 50. P. 89–105.

¹⁰ Журнал по русской и восточноевропейской психологии. Сборник 42, № 2. 2004. Март—апрель. С. 30–68. Теперь стало понятно, что немецкие и русские слова, переведенные на английский как «деятельность» (Tätigkeit и dejatel'nost') не соотносятся. Это одна из многочисленных проблем перевода русских исследований по психологии на английский, на которые мы ссылались в этом эссе.

¹¹ Зинченко В. П. Психологическая теория деятельности («воспоминания о будущем») // *Вопросы философии*. 2001. № 2. С. 66–67. См. также: Зинченко В. П. Мысль и Слово Густава Шпета. Возвращение из изгнания. М., 2002. С. 116–117; Zinchenko V. P. The Psychological Theory of Activity. «Remembrances of the Future» // *Journal of Russian and East European Psychology*. Vol. 42. № 2. 2004. March–April.

В дальнейшем эти исследования привели В. П. Зинченко к работам Г. Г. Шпета¹².

В работе 1927 года «Внутренняя форма слова» Шпет последовательно излагает концепцию «внутренней формы языка» В. фон Гумбольдта. Он говорит о языке как об активной силе, преобразующей социальную и интеллектуальную жизнь человека. По мнению Шпета, «надо рассматривать язык не как мертвый продукт производства (ein Erzeugtes), а, скорее, как само производство (ein Erzeugung)»¹³. Этот тезис Шпет повторяет несколько раз. «Для Гумбольдта было величайшим открытием, что язык есть *энергея*. К этому у него также “все сводилось”. В этом смысле надо понимать и все другие оттенки в описании этого термина: язык есть “духовная деятельность” и “имманентное произведение души”, он заложен в самой природе человека. <...> Язык можно рассматривать не только как субстанцию, но и как субъект, не только как вещь, как продукт, произведение, но и как производство, как энергию»¹⁴. Однако Шпет идет дальше Гумбольдта и формулирует концепцию внутренней формы слова как динамических алгоритмов языка, законов смыслообразования.

В своих исследованиях познания, памяти и других процессов человеческой психики Владимир Петрович опирался именно на концептуальные положения Гумбольдта и Шпета. Следуя за ними, он рассматривает слово, как «акт, действие, входящее в состав языка, понимаемого как деятельность. К слову вполне применим образ Н. А. Бернштейна, уподобившего движения живому существу. Органическая структура (в том числе и духовный организм) способна к развитию, к созданию новых, недостающих ей функциональных органов»¹⁵. Понятие функциональных органов является частью его исследования по «органической психологии»¹⁶. Это понятие «широко использовали и развивали Н. А. Бернштейн, А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия. Они наделяли их телесными свойствами и качествами, исследовали их развитие, инволюцию, реактив-

¹² Ср.: «Викарные действия, совершаемые с нереализуемыми вонне моторными программами, обеспечивают динамику внутренних форм, о которой постоянно говорил Шпет». Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. С. 517.

¹³ Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова. Этюда и вариации на тему Гумбольдта // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2007. С. 330.

¹⁴ Там же. С. 348–349.

¹⁵ Зинченко В. П. Мысль и слово Густава Шпета. Возвращение из изгнания. М., 2002. С. 98.

¹⁶ Зинченко В. П. От классической к органической психологии. На рус. и англ. яз. М., 1996. С. 9.

ность, чувствительность и т. п. Функциональные органы, психологические функциональные системы следует рассматривать как материал (материю), из которого в конце концов конституируется духовный организм. Они действительно могут рассматриваться как анатомия и физиология духа»¹⁷.

В этот период интеллектуального развития Владимир Петрович рассматривает деятельность как пространство для человеческого творчества и свободы. Если выразиться точнее, такая деятельность всегда содержит произвольные и непроизвольные действия. Непроизвольные действия формируются в процессе социализации, усвоения стандартного набора медиаторов (знаков, слов, символов, образов, мифов и др.). Большая часть современных психологических исследований фокусируется именно на этом полюсе¹⁸. Но Владимира Петровича всегда интересовали именно произвольные движения, которые позволяют говорить о «повторении без повторения». Именно этот интерес обусловил его интеллектуальное движение к исследованиям избытка степеней свободы действия, воли, слова, культуры. Элемент творчества или, по крайней мере, новизны всегда присутствует в человеческих действиях, поскольку, — рассуждает Владимир Петрович, — «некто в сознании же обладает бытийными (и поддающимися объективному анализу) характеристиками по отношению к сознанию, наблюдаемому самим субъектом, совершающим осознанные, контролируемые акты, т. е. по отношению к сознанию, понимаемому в традиционном смысле как индивидуально-психологическая реальность»¹⁹,²⁰. Человеческое действие — это источник таких бытийных характеристик сознания, неисчерпаемый источник духовной жизни человека; оно представляет собой сложнейшую реальность, обладающую своим особым членением и специфическими свойствами. Действие, как и всякая живая форма, содержит в единстве противоположностей внешнее и внутреннее²¹.

В большинстве ситуаций повседневной жизни это единство внешнего и внутреннего включает в себя баланс между повторяемым и неповторяемым, что делает наши действия различимыми, опознаваемыми и даже относительно предсказуемыми. Но увле-

¹⁷ Зинченко В. П. От классической к органической психологии. С. 9.

¹⁸ На самом деле любое упоминание о развитии, которое фокусируется на процессе воспитания детей в русле существующего познавательного, образовательного и социального порядка, имеет тенденцию к концентрации на нем.

¹⁹ См.: Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.

²⁰ Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. С. 251.

²¹ См.: Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Функциональная структура действия. М., 1982.

чение Владимира Петровича сферой неповторяемого привело его к изучению совершенно необычных эпизодов человеческой жизни. Например, в одном из текстов он обсуждает «свободное действие». Эпизоды такого рода появляются в экстремальных ситуациях, когда люди должны действовать быстро и без промедления, как, например, в случае предотвращения авиационной катастрофы. В таких случаях человек может действовать таким образом, как он никогда бы не смог в нормальной жизни. Вот как он пишет об этом: «Здесь мы сталкиваемся с чрезвычайно трудной для понимания ситуацией. Так же, как мы с трудом осваиваемся с идеей относительности в физике, нам трудно освоить мысль, что внутри самого сознания возможно различие (и оперирование ими) явлений двоякого рода: 1) явлений, сознанием и волей контролируемых и развертываемых (и в этом смысле идеалконструктивных) и 2) явлений и связей, хотя и действующих в самом же сознании, но неявных по отношению к нему и квазипредметных (и в этом смысле неконтролируемых субъектом)»²².

Период 2

Эргономика: изучение познания в сложных системах «человек-машина»

Мы не знаем, какие обстоятельства привели Владимира Петровича к сложным разработкам, позже названным «информационными» технологиями: изучению операторов, работающих посредством органов управления, контролирующих движение на экране компьютера. Каким бы ни был повод к этому переходу, как мы теперь видим, эта работа была прямым продолжением изучения стабилизированных образов и действий у детей. Он то ли в шутку, то ли всерьез говорил, что операторы, как и дети, приходят в новый для них мир — мир, созданный инженерами, — и должны научиться в нем жить и работать. Однако этот новый период в исследовательской деятельности Владимира Петровича протекал в рамках «военно-промышленного комплекса». Статья о перцептивном действии появилась в «Инженерной психологии» в 1964 году, когда категория инженерной психологии только стала восстанавливаться после идеологически-обусловленного отказа в 1930 годах. В конце 1960 годов эргономика — наука, изучающая взаимоотношение техники и человека, — стала развиваться. Статьи, содержащие результаты исследовательской работы В. П. Зинченко и Н. Д. Гордеевой, стали появляться в «Эргономике» — трудах ВНИИТЭ (Всесоюзно-

²² Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. С. 251.

го научно-исследовательского института технической эстетики). Экспериментальный аппарат состоял из системы для контроля курсора на экране с использованием трехстепенного органа управления (джойстика). Испытуемые в эксперименте должны были научиться работать с изображениями на экране, которые двигались вдоль осей X и Y (слева-направо, снизу-вверх), когда менялись в размере (третье измерение ассоциировалось с действием туда-обратно). Такой тип задания часто встречается в работе космонавта, железнодорожного диспетчера или пилота — им часто требуется выполнять его с высокой скоростью и точностью.

Вот как авторы обобщили эти исследования.

Использование компьютера в эксперименте позволяет оператору представить на экране маршруты движения, изменяющиеся по сложности, по числу и набору элементов. «В соответствии с методологией микроструктурного анализа, заключающейся в выделении компонентов, сохраняющих свойства целого, была составлена программа выделения, регистрации, анализа и обсчета текущих характеристик действий оператора, которые по ходу эксперимента регистрировались и хранились в памяти ЭВМ»²³. Хотя данные, полученные от этого направления исследования, были куда более сложными, чем то, что рассматривалось на ранних стадиях исследования Владимира Петровича, все равно не могло быть сомнений о тесной связи со сформированными ранее теоретическими ожиданиями²⁴: «Действие не повторяется, а строится. Согласно Н. А. Бернштейну, упражнение — это повторение без повторения. Иными словами, при построении действия всегда можно наблюдать соревнование или конкуренцию его консервативных свойств, определяемых сложившимися программами и мнемическими схемами, и его динамических свойств, определяемых новизной ситуации, новизной целей и смыслов возникшей двигательной задачи»²⁵.

Снова нам не удалось бы понять значения многих деталей в таких пассажах, как этот, без написания данного эссе. И тот же набор условий, который ранее неправильно указал направление, остается существенным. Более того, это оказалось в целом ассимилируемым к стандарту «боксографии» или «ящиков в голове» того типа, что был

²³ См.: Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Модель предметного действия // Системные исследования. М., 1991. С. 167. См. также: 168–169.

²⁴ Здесь мы представляем наше собственное повторение без повторения. Еще одна встреча с идеей Бернштейна о невозможности точного воспроизведения включает в себя вышеупомянутые принципы.

²⁵ Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Модель предметного действия // Системные исследования. М., 1991. С. 163.

и остается популярным в американской когнитивной психологии. Мы были не единственными, кто интерпретировал эту работу как стандартную экспериментальную, когнитивную психологию. В недавнем сборнике под названием «Действуя с технологией» Виктор Каптелинин (сам ранее студент Московского университета) и Бонни Нарди написали следующее об этой линии его работы: «Функциональные блоки, о которых писал Зинченко, почти идентичны “ящикам” (boxes), типичным для информационно-процессуальных моделей конца 1960-х, таких как, например, модель, предложенная Аткинсоном и Шифриным (1968). <...> Эта работа Зинченко показала, что теория деятельности и когнитивная психология не являются несовместимыми, и что, в принципе, когнитивные модели могут быть встроены в теоретико-деятельностные описания»²⁶.

Перечитывание этой работы в настоящем контексте показывает, как Владимиру Петровичу удалось вывести психологическое исследование из привычной рутины информационно-процессорного подхода на иные пути. Это противоречие может быть показано путем сравнения типичной «боксологической» схемы процесса формирования образа ситуации и абсолютно не-боксологической схемы, которые присутствуют в работах Владимира Петровича.

Дух не-боксологической репрезентации психологического маршрута движения наиболее ярко может быть проиллюстрирован тем, как Мерло-Понти описывал работу Матисса, записанную на камеру замедленного действия: «Кисть, которая, если смотреть на нее невооруженным глазом, просто перескакивала от одного действия к другому, теперь, как стало видно при замедленной съемке, ведет себя по-другому: она как будто размышляет в растянутом времени, делает десятки пробных движений, танцуя перед холстом, несколько раз едва касаясь его, и вдруг стремительно, как удар молнии, наносит единственно нужную линию»²⁷. Особый интерес представляет комментарий: «это “размышление в растянутом времени”, наполненное десятками мелких движений как бы направляет, ориентируя в пространстве, будущее, единственно возможное действие, наполняя его общим замыслом. Приведенное красочное описание творческого поиска как нельзя лучше иллюстрирует и подтверждает наши представления о построении осмысленного осознанного, предметного действия»²⁸.

²⁶ Kapteinin V., Nardi B. A. Acting with technology: activity theory and interaction design. Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 2006. С. 184.

²⁷ Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Модель предметного действия // Системные исследования. М., 1991. С. 188.

²⁸ Там же. С. 188.

Период 2. Итог

Второй период профессиональной работы Владимира Петровича продолжался более двух десятилетий. В это время он, Наталья Дмитриевна и их студенты провели десятки, если не сотни опытов по исследованию микроструктурной динамики формирования образа и действий как части различных сложных когнитивных заданий. В этих условиях изучаемые образы уже более не являлись изолированными объектами, как в предыдущем исследовании, но выступали как комплексы действие—ситуация—действие или действие—образ—действие, развертывающиеся в различные временные периоды. Этот ряд экспериментов позволил им, по их словам, заключить, что «развертывающаяся во времени система предметных операций приводит к формированию целого и одновременно воспринимаемого пространственного образа предмета. Значит, действие является средством трансформации времени в пространство и пространства во время. В последнем случае одномоментный пространственный образ, выступающий в качестве регулятора действия, развертывается во временную картину движений»²⁹. Мы снова вернулись к Бернштейну и идее живого движения.

Это был также период, когда Владимир Петрович вместе с В. В. Давыдовым работал над статьей «Принцип развития в психологии». Авторы показывали ограниченность официально признанной доктрины «материалистической диалектики» как основания психологических исследований. Они рассуждали о живом движении, ссылались и на Л. С. Выготского, и на Н. А. Бернштейна, и на Н. Винера. Представляли их идеи в широком историко-философском контексте, цитируя Аристотеля, Р. Декарта, и Августина: «Так, Августин писал следующее: “Ожидание относится к вещам будущим, память — к прошедшим. С другой стороны, напряжение действия относится к настоящему времени: через него будущее переходит в прошедшее... Следовательно, в действии может быть нечто такое, что относится к тому, чего еще нет”»³⁰.

Периоды 3 и 4

Чтобы упростить наш рассказ в свете ограничений в объеме статьи и границами наших сегодняшних знаний, мы обсудим третий и четвертый периоды в одном параграфе. Его краткое изложение можно проиллюстрировать словами Владимира Петровича о собственной научной карьере.

²⁹ Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Модель предметного действия. С. 163.

³⁰ Августин. Творения. Ч. 2. Киев, 1905. С. 302–303. Цит. по: Давыдов В. В., Зинченко В. П. Принцип развития в психологии // Вопросы философии. 1980. № 12. С. 52.

«Мое собственное становление как психолога, — это инверсия истории развития российской психологии: первый — культурно-историческая психология, второй — психология деятельности. Я начал с последнего и постепенно иду к первому. От ранних исследований сенсомоторных и перцептивных действий я перешел к изучению зрительного образа, визуального мышления, кратковременной зрительной памяти; затем, благодаря достаточно позднему увлечению поэзией и психологией искусства, я обратился к Слову и Культуре»³¹.

Третий период можно характеризовать более отчетливым присутствием идей Л. С. Выготского в работах Владимира Петровича. В связи с этим нам представляется важным вспомнить, что отец Владимира Петровича тоже был психологом — участником Харьковской школы психологов, и, следуя Леонтьеву, вошел в поколение теоретиков деятельности вместе с С. Л. Рубинштейном. Представляется важным отметить, что В. П. Зинченко не отверг теории А. Н. Леонтьева, когда стал склоняться к позиции Л. С. Выготского. Он, вслед за своим отцом, П. И. Зинченко, настаивал на органической связи культурно-исторического и деятельностного подходов.

Кардинальный момент, который отличает переход от третьего периода к четвертому — изменение социально-политического климата в 1985 году. Этот момент был обозначен использованием Владимиром Петровичем заглавных букв, когда он писал о Слове и Культуре. Переход от слова к Слову и от культуры к Культуре соотносится с термином «духовность», появляющемся в работах Владимира Петровича. Он определяет духовность как «нематериальные аспекты реальности»³². Как он сейчас пишет об этом, теория деятельности стала слишком приземленной, слишком «материалистической». Ее претензии на объяснение высших психических функций и сознания оказались чрезмерными. Мы, очевидно, не можем надеяться на то, чтобы выстроить все его работы в логически связанную историю. Следовательно, на оставшихся страницах мы расскажем подробно о двух направлениях его работы, которые нам самим показалось интересным изучить и которые более всего волнуют Владимира Петровича. Нам представляется, что в них есть много общего с нашими размышлениями, хотя мы осознаем, что мы пишем в стиле «полифонического» языка — Выготский и русская культура, смешанные с культурными традициями американского прагматизма. Оба этих направления сосредоточены на идее

³¹ Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. С. 433.

³² Зинченко В. П. Алексей Алексеевич Ухтомский и психология (К 125-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 2000. № 4. С. 82.

опосредования, которая является ведущей как для нашего подхода, так для подхода Владимира Петровича.

В качестве первого примера рассмотрим эксперименты Владимира Петровича Зинченко и Николая Юрьевича Вергилеса, направленные на изучение восприятия в условиях стабилизации изображения на сетчатке. Главное, что вытекает из этих исследований, это опосредованность формируемых образов.

В качестве второго примера мы обратимся к нарративу как к форме опосредования. Оба релевантны тому, что можно назвать главным нервом концепции Владимира Петровича о «нематериальных аспектах реальности» как царстве человеческой свободы.

Стабилизированные образы: фокусировка на процессе фрагментации.

Мы уже упомянули использование Владимиром Петровичем стабилизированных образов для характеристики перцептивного действия. Его исследование показало, что даже когда никакое движение глаза не может повлиять на его пространственное положение по отношению к воспринимаемому объекту, он продолжает двигаться, как будто бы глаз продолжает исследовать различные части перемещающегося объекта. Таким образом, этот феномен свидетельствует о возможности свободы не только от мира, но и свободы внутри него.

Американские исследования стабилизированных образов, проведенные в то же самое время, сосредотачивались не на перцептивном действии, которое имело место во время стабилизации, а на фрагментации образа в процессе стабилизации или его появлении после периода полной стабилизации, когда восстанавливается свобода движения глаза.

Позволим напомнить положения, о которых говорилось выше. В экспериментах со стабилизацией изображений, зрительные образы проецируются и фиксируются на сетчатке с помощью специального прибора, который движется в полной координации с сетчаткой. Когда она достигается, визуальное поле становится серым. Поскольку это происходит медленно, образ рассыпается на составные части перед тем, как исчезнет. Но если возникает мельчайшее скольжение в приборе, так что движения глаза освобождаются от координации с проецированным изображением, фрагменты изображения возникают вновь. Полный образ, однако, появляется снова только тогда, когда есть свободная игра света из мира сквозь сетчатку.

Физиологический механизм, объясняющий феномен исчезновения образа, понятен. Элементы сетчатки отвечают только на изменения и различия освещенности. Стабильность освещения снижает их

Рис. 1. Формы, в которые женский профиль и монограмма НВ превращаются, когда они фиксированы благодаря движению сетчатки (взято у Причарда)

чувствительность даже при сохранении полной координации³³. Другое исследование показало, что вся полезная информация поступает в моменты, когда глаз фиксирован на цели; а во время саккадических движений глаза никакая полезная информация не поступает³⁴. Кроме того, промежуток времени между фиксациями обеспечивает то, что когда мы фиксируемся на предмете, то обязательно видим его с другой точки зрения, и на другом физическом и физиологическом фоне, нежели в момент, предшествовавший этой фиксации. Кажется, что поток информации, поступающей из внешнего мира по определению дискретен. Хотя несмотря на присутствие объективной физической прерывности мы воспринимаем мир как непрерывный. Как такое возможно?

Американские исследователи обратили внимание на то, что исчезновение и восстановление фрагментов не является случайным; это не похоже на ситуацию, когда важнейшие компоненты образа размываются, как будто линза теряет фокус. Наоборот, появление и исчезновение фрагмента образа определяется типом предъявляемых в экспериментах стимулов.

В контексте настоящего обсуждения важны две разновидности актуализации образа.

Первый — жестко ограничен человеческой филогенией (например, обнаружением и распознаванием лиц); второй тип актуализации образов вырастает из накопленных и воплощенных в культуре паттернов (например, графические изображения букв в алфавите).

Различие между двумя типами стимулов проиллюстрировано на рис. 1. В каждом ряду рисунка, самое левое изображение — это то изображение, которое зафиксировано на сетчатке, в то время как изображения правее — это образы, которые, как уверяют испытуемые, они видят, когда начальный образ пропадает и снова появляется³⁵.

³³ Pritchard R. M. Stabilized images on the retina // Scientific American. 1961. Vol. 204. P. 72–78; Inhoff A. W., Topolski R. Use of Phonological Codes during Eye Fixations and in On-Line and Delayed Naming Tasks // Journal of Memory and Language 33 (5). 1994. P. 689–713.

³⁴ Matin L., Matin E., Pola J. Visual perception of direction when voluntary saccades occur. II. Relation of visual direction of a fixation target extinguished before the saccade // Perception and Psychophysics. 1970. № 8. P. 9–14.

³⁵ Pritchard R. M. Stabilized images on the retina // Scientific American. 1961. Vol. 204. P. 72–78.

Существенным для интерпретации изображения служит тот факт, что «НВ» монограмма и женский профиль разделяют общие, биологически ограниченные свойства, такие как резкие изменения освещения у границ между черным и белым. Чувствительность, дифференцирующая степень освещения присутствует с рождения. Новорожденные сосредотачивают внимание на линии волос и на других линиях, которые дают высокий контраст с остальным фоном. Используя термины Выготского, мы считаем, что фрагменты, на которые изображение разбивается, вызваны преимущественно природными, филогенетическими причинами. Что кажется распознаванием лица матери новорожденным, есть различие степени освещения. Такой специфический культурный элемент во фрагментах, как линия волос, является вторичным.

Прямо противоположное наблюдается в случае монограммы НВ, являющейся специфически культурным объектом, значение которого зависит от знания алфавита. Различное по степени освещение, конечно, присутствует, но в каждом случае образы, на которые составные части НВ монограммы распадаются и вновь появляются, выглядят как написанные буквенно-цифровые символы, а не как точки высокого светового контраста (см. нижнюю строку рис. 1). Чувственная ткань не может относиться к филогенетической истории. Каждый из фрагментов организован как осмысленная культурная единица (для грамотных людей).

Чтобы объяснить фрагментацию НВ-монограммы, Причард, вслед за Хеббом³⁶, предположил, что это результат опыта использования графических символов. Человеческий мозг сформировал «ансамбль клеток», который может быть назван «кортикальным программным обеспечением» для облегчения поддержки и активации их внутренней организации.

Следуя этой интерпретации исследований компонентов зрительного образа, мы можем заключить, что один компонент обусловлен факторами из филогенетического развития человеческих существ. Второй — согласовывается с индивидуальным культурно организованным опытом. Однако оба источника (или условия) опыта недостаточны для того, чтобы дать целостный образ объекта. Необходим третий компонент, т. е. активное сопряжение первых двух компонентов самим человеком, придающим смысл этим двум различным источникам опыта в реальном времени. Активное сопряжение информации, поступающей в различные моменты

³⁶ Hebb D. O. The organization of behavior. N.-Y., 1949.

времени, достигается путем саккадических движений глаз. Такая «разрешающая работа» необходима для возникновения целостного образа мира, а также для того, чтобы стали возможны мысль и действие. Следовательно, то, что мы называем образом, строится на трех источниках: во-первых, это набор биологических условий человеческого филогенетического развития; во-вторых, набор культурных условий и их социально-исторического генезиса. И, наконец, в-третьих, сам индивид, постоянно преодолевающий несовпадение между двумя этими источниками. Это и есть то, благодаря чему ежесекундно строится образ.

Именно на этом третьем условии были сконцентрированы усилия Владимира Петровича в раннем периоде его исследований. Он использовал «боксоподобные» (boxological) функциональные блоки для того, чтобы рассеять процесс формирования образа на относительно дискретные измеримые части, так что, будучи взяты как целое, они составляют перцептивное действие. Однако, как прекрасно знал Владимир Петрович, на сколько бы функциональных блоков не рассекалось живое движение, в нем всегда будет присутствовать остаточный элемент, т. е. процесс между блоками, представленный только тонкой, черной линией в модели, где выход не предопределен. Здесь имеется место способности воображения, неотъемлемой «духовной» стороне человеческого познания.

Мы можем сделать три самых главных вывода. Во-первых, процесс формирования образа, буквально говоря, воображения — порождения образа, представлен даже тогда, когда «предмет» нашего воображения дан в наших ощущениях; это не (только) мысль о чем-то отсутствующем. Это можно условно назвать сном наяву. Во-вторых, кажется необходимым для человеческого познания то, что индивиды постоянно вовлечены в процесс формирования образа. Формирование образа есть «соединяющий мостик» между двумя состояниями опыта: один дается филогенетической историей человеческих существ, другой задается культурно-исторической средой и предшествующим индивидуальным опытом. Люди, по сути, всегда вовлечены в процесс формирования образов, находящихся между природой и культурой. В-третьих, существование культурно-опосредованных, исторически устоявшихся условий, обеспечивает дополнительный слой «данного» людям инструментального средства для того, чтобы иметь дело с новым материалом. Это обеспечивает больше степеней свободы, с которыми имеют дело непрерывные жизненные процессы. Культура и свобода глубоко укоренены в человеческой психике.

Бахтин, Шпет и опосредованное действие

Еще одна область идей, которые развивает Владимир Петрович о культурном опосредовании человеческой жизни, восходит к работам Михаила Михайловича Бахтина и Густава Густавовича Шпета. Погружаясь в нее, можно проследить, как он включал многие идеи Выготского в свои размышления и как в определенных пунктах он выходил за границы Выготского, чтобы придать большее значение культурной/духовной стороне «острия меча», повернутого к новому, воображаемому будущему. Такие мысли в работах Владимира Петровича прослеживаются в его размышлениях о языке и том пути, на котором он дополняет Выготского идеями Бахтина и Шпета. О концепции «внутренней формы слова» Г. Г. Шпета и ее роли в творчестве Владимира Петровича мы уже говорили выше. Здесь сосредоточимся только на концептуальном влиянии М. М. Бахтина.

Развивая представления о творчестве и свободном человеческом действии, Владимир Петрович значительным образом расширил свои работы за счет его идей, на первый взгляд, кажущихся весьма отдаленными от эргономики или психофизиологии перцептивного действия. Например, Бахтин исследовал текст как базовую единицу анализа человеческого общения и предложил метод распознавания по своей сути уникальных измерений использования языка: «За каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное и воспроизведенное и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность). Но одновременно каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Это то в нем, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории»³⁷. Заявления Бахтина возвращают нас к бернштейновскому «повторению без повторения».

Используя этот культурологический подход, Владимир Петрович представил множество точек зрения на свободное действие и функциональные органы, дополнив концепты давнего времени новым содержанием. Особого внимания в этой связи здесь заслуживает то, как он характеризует функциональные органы в терминах их «биодинамической, чувственной, аффективной ткани»³⁸, исследова-

³⁷ Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: опыт философского анализа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 283.

³⁸ Зинченко В. П. От классической к органической психологии. На рус. и англ. яз. М., 1996. С. 9.

дование которых указывает на более динамическую, органически ориентированную картину психологического функционирования в контрасте с механическим и детерминистским, одним из любимых в «боксологии».

Эти идеи особенно явно пересекаются с размышлениями Владимира Петровича об опосредовании, которое составляет самое основание культурно-исторической психологии³⁹. С одной стороны, в некотором смысле идея опосредования играла более важную роль в исследованиях Выготского, чем в работах Владимира Петровича. Однако в идеях В. П. Зинченко сам взгляд на опосредование выходит за рамки той сферы, в которой оно было представлено у Выготского. Например, Выготский рассматривал появление опосредования в онтогенезе в качестве поворотного пункта в развитии, отделяющего природные функции и высшие психические функции: «Включение в какой-либо процесс поведения знака, при помощи которого он совершается, перестраивает весь строй психологических операций наподобие того, как включение орудия перестраивает весь строй трудовой операции»⁴⁰.

В контраст к вышесказанному Владимир Петрович подвергает сомнению наличие у младенца натуральных, примитивных психических функций, существующих независимо от языка и лишь через 1,5–2 года трансформирующихся в высшие психические функции, благодаря встрече с речью. Не соглашаясь с предшествующими исследованиями развития детей, он говорит, что даже на самых ранних стадиях жизни «ребенок далек от того, чтобы быть безразличным к атмосфере языка, которая окружает его»⁴¹. Его идеи относительно культурной природы человека идут не только от исследований детского развития, но из таких разнообразных источников, как работы русских философов — Павла Флоренского и Николая Бердяева относительно культуры, творчества и свободы. Наиболее важно, что они основаны на целостном взгляде на психическую жизнь, который выражается в понятии функционального органа. Эта идея артикулирована в работах А. А. Ухтомского, выдающегося физиолога первой половины XX столетия. К числу таких органов относятся действие, образ и слово. Они имеют не только близкую архитектонику, но и представляют собой своего рода метаформы, в которых соединяются внешнее и внутреннее. Например, слово, рассматри-

³⁹ Там же. С. 10.

⁴⁰ Выготский Л. С. Проблема культурного развития ребенка // Педология. 1928. № 1. С. 64.

⁴¹ Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. С. 438–439.

ваемое как внешняя форма, практически с рождения проникает во внутренние формы образов, действий, аффектов ребенка⁴². Будем ожидать развития этого многообещающего сюжета.

Заключительные комментарии

Мы надеемся, что наш рассказ убедил читателя в пользу тех уроков, которые мы извлекли в процессе изучения работ Владимира Петровича Зинченко. В заключение мы хотели бы присоединиться к нему в убеждении, что необходимость диалога как условие самопроверки или рефлексивности, также применимо к культурно-исторической психологии. Это эссе является своего рода упражнением — самоизучением наших ограниченных представлений о психологии в России с помощью работ Владимира Петровича. Мы, как убеждал нас Барт, перечитали их. Мы надеемся, что написали историю, которая может быть вновь перечитана будущими поколениями психологов.

*Перевод статьи Татьяны Гуревич,
под ред. Владимира Зинченко*

⁴² Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010 С. 514.